

Лев Семенович Гордон

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАПРЕЩЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ вторая половина XVIII в.

Французский ежегодник 1959

М.: Наука. 1960. С.89-120

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Идеологическая подготовка Великой французской буржуазной революции 1789—1794 гг. обусловила появление огромного числа философских, политических и художественных произведений, пропитанных идеями своего века. Среди них и капитальные труды, вошедшие в классический фонд французского литературного наследия, и множество брошюр, памфлетов и листовок-однодневок, учтенных еще не всеми библиографиями и часто даже неизвестных историкам и литературоведам.

Распространение этой литературы в предреволюционной Франции было возможно благодаря появлению новых читательских масс. Писатели, отмечающие узко «салонный» характер культуры французского Просвещения, считающие — вслед за Лабрюйером, — что французские крестьяне были полудикими существа, живущие в норах и питающиеся кореньями и травой (т. е. механически переносящие на весь XVIII в. наблюдения, верные лишь отчасти для середины царствования Людовика XIV), не учитывают этого роста числа читателей. Но уже начиная с последних лет правления Людовика XIV, грамотность в дореволюционной Франции стала расти. К середине же XVIII в. во Франции при населении около 20 млн. человек был 21 университет, свыше 560 колледжей и около 100 специальных (технических, военных и т. д.) училищ, а также не менее 10 тыс. начальных школ. Хотя школы находились под руководством и надзором церкви, часто в качестве учителей привлекались грамотные миряне. В некоторых местностях с более зажиточным населением начальных школ было очень много, и число их быстро росло; так, в Провансе начальные школы имелись во всех сельских приходах, а в маленьких городках их бывало несколько. Например, в Драгиньяне в 1735 г. была одна школа, а к 1765 г. — четыре. Но и в других местах было сравнительно немало школ: в бедной епархии Рие в Лангедоке на 139 приходов имелась 41 школа. Современники указывали, что лишь в горных районах Альп или Пиренеев положение со школами было хуже¹.

¹ Подробнее об этом см. *Š. T. Mac Clouy. Government Assistance in Eighteenth Century France. Durham, 1946, p. 440—447.*

Документы эпохи показывают, что в коллежах, содержащихся за счет различных духовных орденов, свыше половины учащихся были полностью или частично освобождены от платы за обучение, а во всех иезуитских коллежах обучение было полностью бесплатным. Это касается даже такого аристократического учебного заведения, как коллеж Людовика Великого, где в начале века наряду с выходцем из буржуазии, молодым Вольтером, обучались герцог Ришелье, граф д'Аржансон и др.; но уже в 1763 г. там учились и дети мелких торговцев бакалей, галантереей, лимонадом, сыновья столяров и каменщиков, «чьи родители порой не умели подписать своего имени»². Такое смешение сословий было характерно не только для Парижа, оно проявлялось и в провинции: так, отмечается, что в Эльзасе «самый необеспеченный земледелец отправляет сыновей в коллеж»³. Кроме коллежей и народных школ, кроме специальных правительственных школ, существовали и профессиональные общественные школы, вроде открытой в Лиможе в 1778 г. бесплатной профессиональной школы каменщиков, камнерезов и столяров.

Статистические данные, которыми мы располагаем (брачные записи в церковных книгах XVIII столетия), обнаруживают в среднем 40—45% грамотных мужчин и 23—25% грамотных женщин, а местами, в больших городах, и того выше⁴. Зато в некоторых местностях, например в Вандее или Оверни, неграмотность достигала 75—80%. Следует учесть и то, что графа «грамотный» может обозначать (в данном случае) лишь умение подписать свое имя. Но даже если для гарантии считать, что грамотных было в два раза меньше, мы все же получаем очень высокий для XVIII в. процент умеющих читать.

Отсюда понятно, как могла создаться во Франции та читательская среда, о которой единодушно упоминают все современники как французы, так и иностранцы. При этом одно свидетельство подкрепляет другое: если считать преувеличением сообщение немецкого путешественника Генриха Шторка о том, что французы «читают в карете на прогулке, в театре в антрактах, в кафе, в банях, в лавках, на крылечках домов по воскресеньям; лакеи читают, стоя на запятках карет, кучера на своих козлах, солдаты на посту, рассыльные на своей бирже»⁵, то надо вспомнить и слова Вольтера: «Книги, о которых вы мне пишете («Карманная теология», «Военный философ», «Картина человеческого разума». — Л. Г.), имеются на руках у всех ремесленников»⁶.

Аналогичные указания мы находим и в художественной литературе, например у Дюлорана: «Три верзилы лакея были погружены в спор о сравнительных достоинствах «Семирамиды» Вольтера и «Катилины» Кребильона»⁷; рассказ об этих лакеях перекликается со сведениями о том, что будущий генерал Французской республики Лазарь Готт в юно-

² D. Mornet. Les Origines intellectuelles de la Révolution française (1715—1787). Paris, 1933, p. 333

³ Ibidem.

⁴ См. D. Mornet. Op. cit., p. 424; см. также S. T. Mac Cloy. Op. cit., p. 421.

⁵ H. Storch. Skizzen, Szenen und Bemerkungen aus einer Reise nach Frankreich. Heidelberg, 1787, S. 292.

⁶ Voltaire. Oeuvres, ed. Garnier, t. 1—50. Paris, 1877—1885, (в дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию). Т. 45, p. 389 (письмо д'Аламберу от 30 IX 1767 г.).

⁷ [H.-J. Dulaurens] Compère Mathieu, ou les Bigarrures de l'esprit humain, t. 1. Londres, 1777 p. 39

сти, когда он работал конюхом, «днями и ночами читал великих писателей, вроде Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и других»⁸.

Поэтому трудно согласиться с утверждением академика Тарле о том, что парижские рабочие в 1795 г. «не умели бы прочесть» брошюр последних монтаньяров⁹; на самом деле читали много и читали многие, и не только после 1789 г., но и задолго до него.

Наличие огромного числа читающих создавало почву для появления большого книжного рынка. Как отмечает Вольтер, «человеческие мысли стали важной отраслью торговли»¹⁰. Книги просветителей расходились огромными по тому времени тиражами: «Кандид» Вольтера в первые несколько месяцев после выхода в свет в 1759 г. был распродан в количестве 6 тыс. экз., а всего за 1759 г. вышло 13 изданий этой книги; «Новая Элоиза» Руссо разошлась в 1761 г. в 4 тыс. экз.; один только книготорговец Дюшен брался распространить в 1763 г. 1500 экз. «Общественного договора»¹¹. «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера принесла ее издателям больше 2 млн. ливров¹². В 1774 г. обороты книгоиздателей Парижа, по данным синдикальной камеры печати, составили 45 млн. ливров,— вчетверо больше, чем обороты лондонских книгоиздателей за тот же период¹³.

Сведения о тиражах не означают, что книгу читали только ее покупатели. В первой половине столетия читатель мог получить книгу, лишь купив или одолжив ее (потому что не каждый имел доступ в Королевскую библиотеку), но уже во второй половине столетия появляются и иные возможности для знакомства с литературой. Башомон записывает 30 декабря 1762 г.: «Некий Гранже, издатель, в ближайшие дни открывает то, что он называет литературным залом: заплатив три су за посещение, каждый сможет там свободно читать все новинки хоть несколько часов подряд»¹⁴. Вскоре после этого (13 апреля 1763 г.) последовало открытие библиотеки города Парижа с читальными залами¹⁵. По если Королевская или городская библиотеки предоставляли читателям только книги, вышедшие с королевской привилегией, т. е. разрешенные цензурой, то в частном читальном зале посетители могли ознакомиться и с запретной книгой. Именно по этой причине уже 23 марта 1764 г. зал Гранже был закрыт, а его хозяин выслан из Парижа на пять лет¹⁶.

Поток книг, приобретающих все более критический и оппозиционный характер, не прекращался. Во второй половине XVIII в. их не только ввозили из-за границы, но и сами французские издатели стали выпускать их без привилегии, несмотря на связанный с этим риск. В этих книгах развивались наиболее передовые, наиболее прогрессивные идеи предреволюционной Франции. Как указывает Мальзерб, начальник Управления по делам печати (*chef de la Librairie*) при Людовике XV, «человек, никогда не прочитавший ни одной книги, вышедшей без

⁸ D. Mornet. Op. cit., p. 428—429. Любопытно, что автор приводимого письма, дядя Гоша, зная эти имена, пишет их с большими ошибками: *des gran otteur comme Voltaire, J. J. Rousseaux et autre*.

⁹ Е. Тарле. Жерминаль и Прерпаль. Соч., т. VI. М., 1959, стр. 406.

¹⁰ Voltaire. Oeuvres, t. 33, p. 353.

¹¹ J. Z. Dubosc. Le Livre français et son commerce en Hollande de 1750 à 1780. Paris, 1925.

¹² L. Ducros. Les Encyclopédistes. Paris, 1900, p. 62.

¹³ Ch. Aubertin. L'Esprit public au XVIII-e siècle. Paris, 1873, p. 482.

¹⁴ Bachaumont. Mémoires secrets. Paris, 1859, p. 56.

¹⁵ Ibid., p. 69.

¹⁶ Ibid., p. 110

разрешения правительства, отстал бы от своих современников почти на столетие»¹⁷.

Абсолютистское правительство и католическая церковь, разумеется, встретили этот поток оппозиционной и критической литературы весьма враждебно; не умея противопоставить ей антикритики, они пытались преградить путь, подвергая отдельные произведения запретам и сожжению. В приложении к книге Рокэна¹⁸ приведено 406 названий книг, запрещенных с 1715 (год смерти Людовика XIV; при регенте политика государства относительно печати несколько смягчается), до 1789 г., и 389 — присужденных к сожжению рукой палача. Правительство борется то с янсенистами, то с иезуитами, то с философами; на первый взгляд оно беспорядочно бьет по всяческим проявлениям мысли, враждебной существующему общественному порядку. Однако, как заметил еще Рокэн, в этом потоке репрессий есть свое подобие системы. Правительство пытается маневрировать: так, с 1715 по 1743 г. государство больше всего преследует противников буллы *Unigenitus*¹⁹; с 1743 по 1757 г. оно обрушивается на философов; с 1757 по 1770 г. направляет свои удары по философам и одновременно по иезуитам (что можно считать уже частичной победой просветительской пропаганды), и с 1770 по 1789 г. правительство, чем дальше, тем безуспешней, пытается бороться против политической критики его мероприятий, отступая перед философской теоретической литературой. Рокэн оговаривается, что им учтены только случаи репрессий со стороны центральных светских властей: ни политика церкви, ни преследования местной печати провинциальными парламентами им не рассматриваются. Следует отметить, что данные, которые он приводит, даже в избранной им самим узкой области, не являются исчерпывающими; советский историк-библиограф Р. М. Тонкова²⁰ смогла значительно пополнить его список.

Эта политика была направлена не только против произведений, но и против их авторов, против издателей, книготорговцев и распространителей книг. Так, в 1739 г. правительство одним декретом закрывает все типографии в 43 провинциальных городах Франции; в апреле 1757 г. оно грозит смертной казнью авторам и издателям запрещенных книг; 27 августа 1758 г. правительство публикует закон, карающий галлерами, изгнанием или позорным столбом «любого, кто будет повинен в составлении, печатании, продаже и распространении произведений, нарушающих государственное спокойствие». Под эту эластичную формулу мог попасть кто угодно. Недаром Вольтер, никогда не мечтавший о мученическом венце, предпочитал держаться у самых границ Франции. В угоду этому закону его «Орлеанская девственница» была сожжена палачом. Другие отделялись не так легко: Дидро подвергался заключению в Венсенском замке, энциклопедисты Туссен и Деград вынуждены были бежать из Франции. В 1757 г. восемь типографов были выставлены у позорного столба с последующей высылкой из Парижа на три года; аббат Капмартэн был приговорен к девяти годам галер; в 1768 г. аптекарский подмастерье, купивший «Разоблаченное христи-

¹⁷ Цит. по L. Ducros. Op. cit., p. 223.

¹⁸ F. Roquain. *L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution*. Paris, 1878; имеется русский перевод: Ф. Рокэн. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке. 1715—1789. СПб., 1902.

¹⁹ Булла папы Климента XI, осуждающая яansenизм (1713).

²⁰ Р. М. Тонкова. Материалы для истории запрещения книг в предреволюционной Франции (1732—1789). «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 6.

анство» Гольбаха, был приговорен к девяти годам галер, книгопродавец, у которого он купил запретную книгу — к пяти годам галер, а жена последнего — к пяти годам тюрьмы ²¹.

Известно, впрочем, что правящие классы и правительство дореволюционной Франции и в этом были недостаточно прозорливыми и последовательными: так, знаменитая «Энциклопедия» Дидро и д'Аламбера то подвергалась преследованиям, то разрешалась вновь по ходатайству Синдикальной камеры печати или даже г-жи Помпадур; начальник управления по делам печати Мальзерб, подписывая приказы против «Энциклопедии», одновременно предложил Дидро отвезти свой склад издания к нему в особняк, чтобы тем самым предохранить его от конфискации. Таких примеров можно было бы привести множество.

Не имея возможности или желания помешать печатанию той или иной книги, правительственные органы иногда давали издателям так называемое молчаливое согласие (*permission tacite*), не поддержанное никакими документами и, однако, почти имевшее силу документа. Если же правительству все же приходилось прибегать к карам, то приговоры часто сводились к очень умеренным денежным штрафам, не превышавшим стоимости нескольких десятков запрещенных книг (500 ливров штрафа при цене подпольного издания «Философских писем» Вольтера от 15 до 50 ливров за экземпляр ²²), а закрытие типографий и книжных лавок отменялось по ходатайству торговых палат.

Такие проявления слабости и непоследовательности правительства объясняются тем, что новые веяния иногда проникали и в среду государственных деятелей, становились даже модными в кругу столичной знати. С другой стороны, далеко не ко всем запрещенным изданиям, не ко всем оппозиционным авторам правительство было столь снисходительно; наиболее радикальные сочинения, особенно в период усиления борьбы с прогрессивными взглядами (1743—1770 гг.), подвергались жестоким преследованиям.

Строгость цензуры и полицейские репрессии привели к своеобразному возрождению рукописной книги, к появлению предпринимателей, организующих переписку и распространение запретных книг. Сличая рукописи философской литературы XVIII в., хранящиеся в различных библиотеках Франции, американский исследователь Айра О. Уэйд ²³ обнаружил множество идентичных экземпляров, что указывает на какую-то «стандартизацию» и массовость производства. Опасность печатания многотомных сочинений в тайной типографии, трудность укрытия толстых томов от бесчисленных шпиков полиции приводили к тому, что авторы предпочитали излагать «опасные мысли» в небольшой книжечке, в брошюре, листовке. Вольтер, один из первых осознавший это преимущество «малых форм», призывает своих единомышленников писать «корого и солопо» (*court et salé*) ²⁴. Этот призыв нашел отклик у современников. Так оказалось, что значительной частью литературной продукции эпохи была маленькая по формату брошюра, из-за незначительности размера ускользнувшая во время своего появления от властей, а впоследствии — и от библиографов

²¹ Bachaumont. Op. cit., p. 297.

²² См. J.-P. Belin. Le commerce des livres prohibés en France de 1750 à 1789 Paris, 1913, p. 63.

²³ I. O. Wade. The Clandestine Diffusion of Philosophic Ideas in Eighteenth Century France Princeton, 1933.

²⁴ Цит. по I. Ducros. Op. cit. p. 241.

Советские ученые давно уже поняли необходимость изучения первоисточников по истории французской революции, выявления новых и забытых материалов. Что же касается изучения идейной подготовки революции, идеологической борьбы XVIII столетия, то мы до самого недавнего времени жили старыми сведениями и представлениями. Правда, историк А. Р. Иоаннисян ввел в поле зрения литературоведов такого писателя, как Ретиф де ла Бретон. Из полузабвения извлечены Морелли, Мелье, Дешан. Но ждет еще своего исследователя такой самостоятельный мыслитель, как Н.-А. Буланже, — тот, кого Дидро и Гольбах считали своим учителем²⁵. И хотя историческая наука уже сдала в архив понятие о Просвещении как о «едином потоке», все еще проявляется иногда тенденция усматривать в борьбе направлений внутри эпохи Просвещения только «смену поколений»²⁶.

Ленинские указания о паличии двух наций в каждой нации, двух культур в каждой национальной культуре²⁷ верны для XVIII в. не только в отношении основного конфликта между клонящимися к упадку феодальными классами и поднимающимся третьим сословием, но и в отношении различных слоев третьего сословия, ибо оно к тому времени было далеко неоднородным. В нем уже выделялись наряду с крестьянством далекие друг от друга слои патрициата и плебейства. Именно союз городского плебса (современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской — XVIII в.²⁸ Поэтому, если ограничиваться изучением «четверки» классиков — Монтескье, Вольтера, Дидро и Руссо, даже дополняя их Гольбахом и Гельвецием, — то нельзя найти в литературе XVIII в. голосов ни крестьянства, ни городского плебейства (пролетариата), без помощи которых буржуазия не могла бы совершить своей революции. Идеологом крестьянства, как выяснили советские ученые, был Жан Мелье²⁹. Но до сих пор не установлено, началось ли до революции оформление самостоятельной идеологии городского плебса. Зачатки этой идеологии мы и обнаруживаем в запрещенной литературе XVIII в.

Естественно, что не все в запрещенной литературе XVIII в. имеет одинаковую социальную и художественную ценность: наряду с произведениями Руссо и Вольтера сюда входит и литература, отражающая полемику янсенистов с иезуитами и представляющая интерес только для историка религии, и направленные против отдельных лиц — министров или сановников — пасквили, имеющие узко иллюстративное значение для историка старого режима, и откровенная порнография, пользовавшаяся огромным спросом у разложившейся и деморализованной аристократии. Но сюда же входят и книги, отличающиеся немалой художественной оригинальностью и представляющие большую ценность

²⁵ Уже после его смерти Дидро поместил в г. XI «Энциклопедии» статью Н.-А. Буланже «Oeconomie politique», принципиально отличающуюся своим подчеркнутым историзмом от статьи Руссо «Economie politique», помещенной в т. VII.

²⁶ См., например, М. А. Яхонтова, М. Н. Черневич, А. Л. Штейн. Очерки по истории французской литературы. М., 1958, стр. 135—162; см. также А. А. Рогинская. Очерки по истории Франции XVII—XIX вв. М., 1958, стр. 77—80.

²⁷ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 16.

²⁸ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 373.

²⁹ См. Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье. Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 213—237.

и для нашего времени, но не нашедшие себе места в пантеоне классической литературы, потому что они оказались неудобны новому господствующему классу — буржуазии.

Однако нет необходимости в поисках оппозиционной мысли изучать всю запрещенную литературу XVIII в. Эпоха сама произвела нужный отбор интересующих нас материалов, собрав их в единую группу произведений, приписываемых Вольтеру (*ouvrages attribués à Voltaire*) — почти неизбежную графу любого библиографического указателя литературы XVIII в. Огромная плодовитость Вольтера, его любовь к псевдонимам и, наконец, чрезвычайная популярность его имени привели к своеобразной аберрации у его современников: почти каждое проявление смелой антифеодальной, антиправительственной или антирелигиозной мысли, любая анонимная или псевдонимная запрещенная книга и брошюра, содержащая критику существующего, приписывалась Вольтеру.

Когда он пишет (письмо Дамилавиллю от 17 декабря 1766 г.): «...все бродячие эмигранты, сочиняющие скверные книжки, продают их от моего имени доверчивым издателям, Фрероны и Помпиньяны не упускают случая приписать мне эти рапсодии, порой чрезвычайно опасные»³⁰, то мы не должны обязательно усматривать в этом желание Вольтера укрыться от ответственности за собственные произведения. Хотя таких случаев очень много, и вся его переписка полна отречений от собственных детищ, включая «Кандида», «Гурона», «Орлеанскую девственницу» и т. п., Вольтеру одновременно приходилось отрекаться и от чужих произведений, приписанных ему то авторами, то издателями, а то и просто молвой.

* * *

Быстрое распространение грамотности во Франции, о котором мы упоминали, и связанный с ним численный рост группы неимущей интеллигенции, рост, значительно опередивший возможности ее использования абсолютистской Францией, — не мог не привести к появлению целого слоя людей, не нашедших применения своим способностям. Наряду с «пробившимися в люди» сыновьями ремесленников (Дидро — сын кожевника, Мармонтель — сын портного, Фавар — сын кондитера, Руссо и Бомарше — сыновья часовщиков) и крестьян (Ретиф де ла Бретон — сын виноградаря) существовали сотни и тысячи если не таких талантливых, то таких же образованных людей, которых Мармонтель назвал «*deracinés*», — лишенными корней, иначе говоря — деклассированными. Своим общественным и имущественным положением они были тесно связаны с обездоленными слоями дореволюционной Франции: в деревнях с феодальнозависимыми крестьянами, в городах — с городским плебсом. Среди них мы находим и учителей, «немногим отличающихся по положению от крестьянина»³¹, и адвокатов без практики. О них говорится: «Среди них есть плебейство, живущее довольно плачевно, без слуги, в жилище, состоящем из одной комнатки»³².

В 1758 г. в донесениях интенданта Бретани сообщается, что в старом городе Ренне, на улицах, заселенных рабочими нитепрядильных мануфактур и кожевенных мастерских, каменщиками, кровельщиками

³⁰ Voltaire Oeuvres, t. 44, p. 541.

³¹ S. T. Mac Cloy. Op. cit., p. 425.

³² H. Sée. La Vie économique et les classes sociales en France au XVIIIe siècle Paris, 1924, p. 186.

и обойщиками, живут мелкие писцы администрации и суда, а также частные переписчики, чей заработок носит случайный характер³³. Среди этих людей нужда в работе была так велика, что на одно место библиотекаря являлось до 50 претендентов³⁴. Именно об этих людях пишет г-жа Дюдеффан Вольтеру в письме от 3 января 1774 г., указывая на обилие безвестных *faiseurs de brochures*³⁵. А в 1785 г. Малле дю Пан жалуется на то, что Париж «переполнен молодыми людьми, принимающими свои способности за талант, — писцами, приказчиками, адвокатами, военными, — которые становятся авторами, умирают с голоду, даже нищенствуют и составляют брошюры»³⁶. В этой среде, как указывает Мармонтель, «складывался тот новаторский дух, полемический, дерзкий, который с каждым днем приобретал все больше сил и больше влияния»³⁷.

Мы далеки от мысли, что все эти авторы были сознательными врагами королевской власти, феодализма и церкви, что их социальное положение плебеев полностью определяло их идеологический облик. Утверждать это, ставить знак равенства между их общественным положением и их сознанием, было бы неверно теоретически и противоречило бы исторической действительности. Положение деклассированных людей легко могло лишить их внутренней сопротивляемости, могло бросать их в самые различные направления. Неудивительно поэтому, что один из известных нам мучеников Бастилии, нищий поэт и неудачливый драматург Розуа, оказался впоследствии одним из яростных роялистских агитаторов, что привело его к гильотине в 1793 г. Здесь невозможны никакие априорные выводы: помогает только обращение к подлинным материалам, как бы далеко они ни были спрятаны, какой бы завесой умолчания они ни были укрыты.

До нас дошла далеко не вся запрещенная литература: часть брошюр была уничтожена по приговорам цензуры; часть, отпечатанная на дешевой бумаге, истлела на чердаках и в подвалах, где их скрывали от полицейских шпииков; часть была законспирирована так надежно, что порой сами мемуаристы эпохи, рассказывая о той или иной книге, не были уверены в том, существует ли она реально³⁸. Поэтому работа в области запрещенной книги требует особых разысканий, без которых многое останется непонятным.

Авторы, предвидевшие запрещение своих книг, прибегали ко всевозможным способам маскировки: тут и псевдонимы, или анаграммы, скрывающие имя автора, и таинственные криптонимные обозначения мест издания, порой просто прикрывающиеся чужими адресами, порой же представляющие сложную систему намеков, понятную лишь современникам.

Существует целая отрасль литературы, посвященная розыскам и разоблачению псевдонимных и анонимных сочинений и вымышленных издательских фирм: всем библиографам известны имена Барбье³⁹,

³³ H. Sée. *Op. cit.*, p. 180—181.

³⁴ Cm. D. Mornet. *Op. cit.*, p. 334.

³⁵ Cm. Voltaire. *Oeuvres*, t. 48, p. 539.

³⁶ Mallet du Pan. *Memoires et correspondance... pour servir à l'histoire de la Revolution française. Recueillis et mis en ordre par A. Sayous. Paris, 1851, t. I, p. 130.*

³⁷ J. Fr. Marмонтel. *Mémoires*, t. III. Paris, 1898, p. 158.

³⁸ Cm. Bachaumont. *Op. cit.*, p. 45 (запись от 1 октября 1762 г.).

³⁹ A. A. Barbier. *Dictionnaire des ouvrages anonymes*, t. 1—4. Paris, 1872—1879.

Брюне ⁴⁰, Керар ⁴¹ или Веллер ⁴². Их трудами внесена ясность в ряд вопросов, множество ложных атрибуций ими исправлено; однако многое еще предстоит сделать.

* * *

По закону должны были преследоваться все авторы запрещенных книг. Однако репрессии, которым они подвергались, были далеко не одинаковы. В Бастилии побывали Вольтер, Мармонтель, Морелле, но они вышли оттуда сравнительно скоро; Дидро содержался в Венсенском замке, но мы знаем, что он, пока его не выручили из тюрьмы его издатели, имел возможность принимать там гостей и руководить оттуда редакционной работой по «Энциклопедии».

Трагичнее была судьба Латюда (Jean-Mazère Latude, 1725—1805). Он прославил свое имя бегством из Бастилии, но потомки забыли, что Латюд провел в ней десятки лет. Почти не известен поданный им правительству проект борьбы с голодом, в котором он предлагал обложить церковь налогами. «Мы можем обойтись без всего, кроме хлеба, — писал Латюд. — Когда он делается слишком дорог и народ не может его купить, то это является причиной восстания — в такие моменты народ не боится ни бога, ни короля, никого» ⁴³. Эти слова напоминают о хлебных бунтах 1709, 1740, 1774 гг. и показывают, что Латюд знал, о чем говорит и от чьего имени.

Наличие двух тенденций в оппозиционной литературе отчетливо представляли себе не только правительство, но и умнейшие и опаснейшие враги всякого свободомыслия — иезуиты. Весьма характерно в этом отношении учтиво-упрожающее письмо иезуита Кастеля к Монтескье (1734 г.) по поводу заключительных глав его «Величия и падения римлян». Иезуит писал: «То, что проникает в народ, исходит лишь от маленьких неизвестных и анонимных авторов, в большинстве своем молодых и распутных. Человек вашего имени, вашего положения, и — если ваша скромность позволит мне это высказать — ваших заслуг, вынужден больше беречь себя» ⁴⁴.

В этих словах корреспондента Монтескье мы находим отражение одного из внутренних противоречий Просвещения. Несомненно, что историческое значение трудов Монтескье не может идти ни в какое сравнение с преходящим значением бесчисленных памфлетов-однодневок, которыми была засыпана Франция. Тем не менее, их успех у народного читателя, засвидетельствованный в письме Кастеля, находит подтверждение в мемуарах и переписке современников, в донесениях полиции, в постановлениях Парламента и Сорбонны. Документы эпохи полны ссылок на новые книги и брошюры. Наряду с именем Вольтера почти в каждой записи встречаются названия книг и брошюр безвестных анонимов — и в сумме этих произведений много больше, чем произведений Вольтера, Монтескье или Руссо.

Но нельзя все сводить только к количественной стороне: необходимо учитывать и близость этой литературы народу. Теоретические

⁴⁰ G. Brunet. Imprimeurs imaginaires et libraires supposés. Paris, 1866.

⁴¹ J. M. Querard. Les Supercheries littéraires dévoilées, t. 1—5. Paris, 1847—1852.

⁴² E. Weller. Die falschen und fingierten Druckorte, Bd. 1—3. Leipzig, 1864.

⁴³ J. Delort. Histoire de la détention des philosophes et des gens de lettres à la Bastille et à Vincennes, t. 3. Paris, 1829, p. 164.

⁴⁴ Ch. Aubertin. Op. cit., 272.

построения книги «О духе законов» были чужды непосредственным интересам безработного плебей-горожанина, тщетно добивающегося права быть принятым подмастерьем в цех, или крестьянина, измученного королевскими и сеньориальными повинностями и разоряемого «габелу» — таможенными досмотрщиками, врывающимися к нему в поисках контрбандной соли. И хотя остроумная и смелая борьба Вольтера против церкви создала ему огромную славу, социально он был далек от народа. Выдвинутое им требование естественного права, равно принадлежащего «султану и бостанджи», требование формального равенства перед законом (при условии сохранения имущественного неравенства) было далеко от нужд и чаяний неимущих масс предреволюционной Франции. В его трудах читатель-плебей мог найти обещание прихода нового господина-буржуа вместо прежнего сеньора. «Невозможно, чтобы люди, живя в обществе, не были разделены на два класса,— писал он,— один класс богатых, которые распоряжаются, другой класс бедных, которые служат»⁴⁵. Конечно, не эти высказывания создали ему славу в народе, а его антииезуитские памфлеты, «Орлеанская девственница», «Кандид» и в еще большей мере его активная борьба против несправедливостей феодальной юстиции. Недаром в его последний приезд в Париж весной 1778 г. верхушка третьего сословия и поклонники из аристократической среды чествовали его как писателя, а народ на улицах приветствовал в его лице защитника Каласа.

Дело было не только в классовой чуждости народу Монтескье и Вольтера, этих признанных основоположников буржуазной идеологии. Свидетельства современников показывают, что порой даже между таким демократическим писателем, как Руссо и его потенциальным читателем из народа могла стать препятствием манера письма. Показательна одна запись «Секретных мемуаров» Бапомона: «3 сентября [1762]. «Общественный договор» постепенно распространяется. Чрезвычайно важно, чтобы подобный труд не стал бродить в легко воспламеняющихся головах: от этого произошли бы очень большие беспорядки. К счастью, автор закутался в научную неясность, что делает его непостижимым для среднего читателя (*commun des lecteurs*)»⁴⁶. Но несмотря на это, книга была все же запрещена.

В этот период огромна была роль Гельвеция и «Энциклопедии», спланивавших силы третьего сословия для предстоящих революционных битв. Гельвеций, исходя из учения о разумно понятом личном интересе («Правильно понятый личный интерес ведет к признанию правил морали»), выводил из него положение о том, что «общественное благо — высший закон, одинаково обязательный для всех людей, каково бы ни было их положение в обществе»⁴⁷. Это же утверждали в своих социологических статьях и сотрудники «Энциклопедии» де Жокур и Буланже⁴⁸. Они не учитывали, однако, одного возражения, которое могли бы выставить их неимущие читатели. Его высказал, правда, лишь в частном письме Фридриху II, д'Аламбер. «Одна только сторона дела,— писал он,— всегда мешала мне объявить всеобщим и безусловным этот принцип морали: вопрос о том, могут ли люди, у которых нет ничего,

⁴⁵ Цит. по: В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, стр. 30.

⁴⁶ Bacheumont. Op. cit., p. 42.

⁴⁷ Helvetius. De l'homme, X, ch. 7, 10; см. также В. П. Волгин. Указ. соч., стр. 177.

⁴⁸ См. R. Hubert. Les Sciences sociales dans l'Encyclopédie. La philosophie de l'histoire et le problème des origines sociales. Paris, 1923, p. 262

которые все отдают обществу и которым общество во всем отказывает, которые едва прокармливают своим трудом многочисленную семью, или не знают, как ее прокормить, могут ли эти люди, спрашивая я, иметь другой принцип морали, кроме закона, и как их убедить в том, что они сами заинтересованы в добродетели, даже в том случае, когда они могут безнаказанно парушать ее требования. Если бы я нашел удовлетворительное разрешение этого вопроса, я давно издал бы свой катехизис морали»⁴⁹.

Что же думали в действительности те, «которые все отдают обществу и которым общество во всем отказывает»?

В мае 1789 г. (одновременно со знаменитой брошюрой Сийеса «Что такое третье сословие?») на улицах Парижа продавалась брошюра Дюфурни (Dufourny de Villiers, 1739—?) под названием «Наказ четвертого сословия»⁵⁰. В этой брошюре содержалось предложение отказаться от прежнего деления нации по историческим сословиям — духовенство, дворянство, третье сословие — и перейти к новому делению общества — по имущественному признаку. «В таком случае, — писал автор брошюры, — подлинными сословиями будут: сословие бедняков, сословие имеющих лишь необходимое, сословие зажиточных и сословие задыхающихся от избытка (*les rengorgeans*)». Автор сам признавал неосуществимость своего предложения, «столь противоположного современному состоянию». Но он утверждал, что «распределение налогов будет тем справедливее, тем благотворнее, чем больше оно будет стремиться: 1) облегчить положение бедняков и 2) обложить богатых пропорционально их возможностям». По его мысли, бедняки должны получать вспомоществование от общества, имеющие лишь необходимое — не должны ни платить, ни получать, зажиточные должны платить двадцатую часть дохода, богатые — две с половиной, и роскошествующие — от пяти до десяти двадцатых.

Нас не должна удивлять, ни тем более отталкивать нечеткость классовой позиции автора этой брошюры. Даже через четыре года после этого, в самый разгар классовых боев французской революции, «бешеные» не выдвигали более точных формулировок. Варле одну из своих брошюр посвятил «неимущим» без всяких дальнейших разъяснений, а Жак Ру выступал от имени бедствующего населения Франции, нуждающегося в крове, одежде и пище и страдающего от дороговизны и от спекуляции новых богачей⁵¹. Естественно, что в обществе, столетиями разделенном на сословия, мышление обращалось к привычным категориям, тем более, что до появления новых понятий, сформулированных в «Коммунистическом манифесте», должно было пройти больше полустолетия. Наоборот, историка скорее должна поразить смелость и самостоятельность мышления Дюфурни. Его брошюра показывает, что «бешеные» имели предшественников в прошлом, что еще до 1789 г. был поставлен вопрос о самостоятельном месте «четвертого сословия» в жизни Франции.

Это подтверждается также анализом запрещенной литературы пред-революционной эпохи — той ее части, которую Вольтер, отличавшийся

⁴⁹ Письмо от 29 января 1770 г. См. *Oeuvres philosophiques, historiques et littéraires de d'Alembert*. Tome dix-septième. Paris, an XIII (1805), p. 150.

⁵⁰ *Cahiers du quatrième ordre, celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigents, etc. l'ordre sacré des infortunés*. Paris, 1789. Цит. по А. Soboul. 1789, *L'An I de la liberté*. Paris, 1939, p. 43—44.

⁵¹ См. Я. М. Захер. «Бешеные», Л., 1930, стр. 24.

сам огромной дерзостью как полемист, признавал очень смелой, — в частности серии так называемых «восточных писем».

* * *

«Китайский шпион», «Восточные письма» и др. — так называется ряд подпольных антиправительственных изданий, выходивших то на территории Франции, то в Голландии, Англии и т. п. на протяжении более столетия. Знакомство Франции при Людовике XIV с Востоком, в частности с Турцией и Китаем, вызвало еще в XVII в. появление особой «восточной» моды. Одним из отголосков этого является турецкий маскарад «Мещанина во дворянстве» Мольера (1670 г.), другим — памфлет генуэзского политического изгнанника Джан Пауло Марана (1642—1698) «Шпион султана» (1693 г.); после него появился «Сиамский шпион», сочиненный Дюфрени (1654—1724). После опубликования «1001 ночи» в переводе Галана (1704 г.) интерес к Востоку еще более возрос: следствием этого явились «Персидские письма» Монтескье (1721 г.); за ними последовали «Еврейские письма» и «Каббалистические письма» Даржанса (1714—1771), «Турецкий шпион» Франшевали (1741 г.), «Китайский шпион» Дюбура (1745 г.), «Китайский шпион» Гудара (1763 г.) и ряд других.

Мы знаем дело Дюбура (Victor de la Costagne-Dubourg, 1715—1746), автора серии памфлетов в форме писем, выходивших во Франкфурте под общим названием «L'Espion chinois». Эти письма столь задели французское правительство, что оно направило (в нарушение международного права!) отряд драгун, чтобы выкрасть их автора из Франкфурга. По опубликованным документам видно, что его обвиняли в распространении периодических листков, которые он сочинял «с самой неограниченной вольностью (licence la plus effrénée) и без всякого уважения или почтения, которое должно оказывать коронованным особам»⁵².

Доставленный во Францию, он был заключен в железную клетку монастыря Сен-Мишеля, где умер через год и четыре дня — 26 августа 1746 г. — как сообщают те же документы — «в приступе буйного помешательства»⁵³. Его памфлет нам известен лишь по заглавию. Но если «с силе взрывчатого вещества можно судить по произведенным им разрушениям, то о силе памфлета можно судить по реакции властей. Надо полагать, что его «Китайский шпион» был памфлетом необычайной остроты.

Нельзя, впрочем, на основании одной этой реакции переоценивать значение неизвестного нам памфлета: ведь ярость властей с неменьшей силой обрушивалась на авторов разоблачительных пасквилей и даже на людей, которые еще ничего не успели написать, а только могли стать авторами опасных сочинений. Примером может служить судьба аббата Приера (Jean-Louis Prieur, 1731—1774), ученого, который еще только собирался написать книгу, но из-за ежедневных поисков заработка в качестве уличного писца не успел осуществить задуманного. Известно его письмо (февраль 1765 г.) Гельвецию, уехавшему в Пруссию после запрещения его книги «Об уме». В этом письме мы находим слова, достаточно ясно обрисовывающие положение Приера: «Как ни велико ваше несчастье — не иметь свободы высказываться, мое бесконечно

⁵² E. Hatin. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française Paris, 1866, p. 60

⁵³ Ibid., p. 61.

больше: я не имею даже досуга, чтобы думать». В мае он снова написал Гельвецию, сообщая ему: «Нет никакой надежды, чтобы я когда-либо добился успеха во Франции; это неблагоприятная земля, пожирающая своих лучших жителей». Наконец, 8 июля 1765 г. Приер обратился непосредственно к Фридриху II, предлагая ему свои услуги в качестве библиотекаря, учителя в коллеже, переводчика и комментатора греческих авторов. Письмо это было перехвачено, и 19 августа того же года Приера арестовали. Из материала допросов видно, что власти больше всего опасались, как бы Приер не выпустил в Германии задуманной им книги по истории монашества («этот род людей больше унижает религию, чем укрепляет ее», — заявил Приер на допросе 4 сентября).

А дальше сухие записи показывают, как уничтожала Бастилия неугодных абсолютизму и церкви людей: на просьбу Приера о книгах — отказ, на просьбу о присылке врача, так как он теряет зрение и страдает головокружениями — резолюция «бесполезно» (!) и т. п. В октябре 1769 г. Приер вновь попросил бумаги, чтобы написать министру. В своем заявлении он жаловался, что теряет рассудок, болен и лишен прогулок. По тому, как он путает дату ареста, допросов, наложенных на него взысканий и т. п., видно, что жалобы на помутнение рассудка не преувеличены. Заявление кончается словами: «Ваша милость простит, что, потеряв привычку писать, я пишу, как свинья». На это наложена резолюция: «Не делать ничего». Приер умер в Бастилии 22 октября 1771 г. от водянки, как показывает акт медицинского вскрытия. Книга о монашестве так и осталась не написанной⁵⁴.

Приер пострадал за еще не совершенное «преступление», за книгу, которую он только задумал. Но репрессии правительства не могли помешать появлению ряда сочинений, авторы которых происходили из той же плебейской среды и являлись представителями оппозиционного мировоззрения.

Одним из них был автор «Китайского шпиона», незаслуженно забытый писатель по экономическим вопросам Анж Гудар.

Пересылая своему другу Рие экземпляр этой книги, Вольтер писал: «В «Китайском шпионе» немало смелости»⁵⁵.

В памфлете говорилось: «Французские крестьяне не имели бы ни малейшего представления о том, что управляются королем, если бы им не напоминали об этом ежедневно указами, в которых им приказывается сдавать ему их же деньги»⁵⁶. На основании этого и сделан поразивший Вольтера вывод о том, что французский король является королем нищих⁵⁷. Но Гудар шел дальше этого и от частного вопроса о французском королевстве переходил к широкому обобщению: «Во всех странах мира королевские расходы составляют общественную бедность»⁵⁸.

Анж Гудар был вынужден бежать из Франции в связи с публикацией памфлета «Политическое завещание г-на Луи Мандрена»⁵⁹. Заголовок этого памфлета перекликается с широко известным в то время политическим завещанием Рিশелье, которое впервые было

⁵⁴ J. Delort. Op. cit., t. 3, p. 37—73.

⁵⁵ Voltaire Oeuvres, t. 50, 1882, p. 467.

⁵⁶ [Ange Goudar]. L'Espion chinois en Europe, v. I. Amsterdam, 1765, p. 15.

⁵⁷ Voltaire. Oeuvres, t. 26, p. 123.

⁵⁸ [Ange Goudar]. L'Espion chinois, p. 25.

⁵⁹ [Ange Goudar]. Testament politique de Louis Mandrin, Généralissime des Troupes de Contrebandiers, écrit par lui même dans sa prison. Valence, 1755.

опубликовано в 1688 г. и сразу объявлено подложным, но оставалось объектом споров на протяжении всего XVIII в. Среди историков, оспаривавших подлинность завещания Ришелье, был и Вольтер. Спор далеко выходил за рамки академического, поскольку неприкрытый цинический маккиавелизм этого документа разоблачал и дискредитировал правящие круги. А так как герой памфлета Гудара Луи Мандрен был предводителем шайки контрабандистов, четвертованным в городе Валансе в 1755 г., то памфлет «Политическое завещание» в сопоставлении с завещанием всесильного министра звучал достаточно издевательски. В самом же тексте этого произведения читатель находил любопытные размышления о причинах, порождающих контрабанду и бандитизм в абсолютистской Франции: «Нищета заставляла тогда бесконечное множество людей различных профессий идти в шайки...»⁶⁰.

Контрабанда была очень распространена во Франции⁶¹ и являлась не только средством незаконной наживы, но одной из форм протеста против феодальных порядков. Поэтому население, отданное в жертву агентам откупной системы, считало контрабандистов защитниками простого народа. Мандрена, «генерал-полковника всех контрабандистов союзу Франции», народ считал своим национальным героем⁶².

Анж Гудар, вводя это прославленное имя в свой памфлет, сочетающий глубокий экономический анализ положения страны с острой полемичностью, настойчиво подчеркивал, что пока французский народ не сбросит с себя иго откупщиков, ему не вырваться из нищеты. Требуя уничтожения системы откупов, Гудар поднимается до смелого обобщения: «Сегодня во Франции все стало откупом, все сдается по контракту; вскоре народу будет позволено дышать лишь с санкции откупщиков»⁶³. Отстаивая в этом отношении программу третьего сословия, буржуазии, он недвусмысленно намекал на возможность насильственного осуществления этой программы, на «плебейский способ»⁶⁴ ее утверждения: «...лишь обстоятельства помешали низвержению прекраснейшей из всех монархий»⁶⁵, — писал он. Гудар даже подсчитывал возможности переворота, степень надежности правительственных войск в предстоящей гражданской войне против народа: «Регулярные части всегда испытывают некоторого рода отвращение при мысли о боях против тех, кого зовут бандитами»⁶⁶. В противовес этому он подчеркивал (от имени французских крестьян, якобы пишущих Мандрену), что Мандрен никогда не будет испытывать недостатка в преданных его делу пополнениях: «...не трудно угадать, к какому решению мы будем вынуждены прийти: стоит вам появиться с вашим отрядом, и вся деревня единодушно уйдет в контрабандисты»⁶⁷. При этом Гудар напоминает о ярости народных масс, доведенных до отчаяния. «Народ Франции не кровожаден, он ненавидит ужас и резню. Однако мы ре-

⁶⁰ [Ange Goudar]. Testament politique..., p. IV.

⁶¹ Протекционистская политика правительства, препятствовавшая ввозу иностранных товаров, наличие внутренних таможен, мешавших свободному движению самых необходимых продуктов — хлеба и соли, и система откупов заставляли население прибегать к контрабанде как к выходу из создавшегося, почти невыносимого положения.

⁶² A. Rambaud. Histoire de la civilisation française, t. II. Paris, 1905, p. 161.

⁶³ [Ange Goudar]. Testament politique..., p. 7.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 114.

⁶⁵ [Ange Goudar] Testament politique..., p. 3.

⁶⁶ Ibid., p. 5.

⁶⁷ Ibid., p. 32.

зали друг другу горло с яростью, идущей от религиозных войн. Этот парадокс природы нетрудно объяснить: дело в том, что французскому правительству свойствен порок, возмутивший дух этого народа и заставивший его изменить своему характеру. Этот порок — система откупов»⁶⁸. В этом памфлете столь недвусмысленно обнаруживается стремление использовать популярность имени Мандрена для призыва народа к продолжению борьбы, в нем столь явно перекинут мост между литературой и народным повстанческим движением (ибо движение Мандрена ничем иным не было)⁶⁹, что его нельзя назвать иначе, чем прокламацией к народу. И если для классиков Просвещения, «которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии»⁷⁰, — для Монтескье, Вольтера, даже для Дидро и Гольбаха — характерна надежда на просвещенный абсолютизм, на «философа на троне», то здесь перед нами совершенно новое, не учтенное историками явление: апелляция к народу, прозвучавшая не в 1789 г., а много раньше — в 1755 г. Как это далеко от прославленной в буржуазной историографии «салонной» культуры Просвещения!

Уже находясь вне пределов Франции, Анж Гудар выпустил свой основной труд, трехтомное экономическое исследование «Неверно понятые интересы Франции в области сельского хозяйства, населения, финансов, коммерции, морского дела и промышленности. Сочинение гражданина». Желая в самом заголовке подчеркнуть свою программу, Гудар указал в выходных данных, что книга его отпечатана «у Жака Кер, под знаком рога изобилия»⁷¹.

В этой книге автор полемизирует с утверждениями официальных публицистов о благополучии французского народа: «Все наши экономисты вечно твердят в своих писаниях об изобилии во Франции, о ее мощном населении, о ее богатой торговле и т. п.

Что до меня, то я громко заявляю, что не понимаю, что значит изобилие у нации, которой не хватает необходимого»⁷².

Выступая, как и физиократы, против меркантилизма, считая, как и они, сельское хозяйство источником всех богатств нации, Гудар в отличие от них выступал с более радикальной программой, предлагая пренебрегать сосредоточению земельной собственности в руках немногих крупных землевладельцев⁷³, и наоборот, так же как Руссо, требуя парцелляции и распродажи земли мелким фермерам⁷⁴. Одновременно он предлагал облегчить налоговое бремя крестьян⁷⁵. В программу

⁶⁸ Ibid., p. 5—6.

⁶⁹ Лефевр пишет о народном движении 1788 г.: «контрабанда стала гражданской войной, как во времена Мандрена» (G. Lefebvre. La Grande peur de 1789. Paris, 1932, p. 21).

⁷⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 473.

⁷¹ [Ange Goudar]. Les Intérêts de la France mal entendus, dans les branches de l'agriculture, de la population, des finances, du commerce, de la marine et de l'industrie. Par un citoyen. A Amsterdam, chez Jacques Coeur, à la corne d'abondance. Упоминаемый здесь Жак Кер (около 1395—1456) — советник и казначей Карла VII; при его участии была заключена прагматическая санкция 1438 г., значительно сократившая права папства во Франции. Обвиненный дворянами в измене, он бежал в 1451 г. из Франции. Позднее оппозиционные мыслители (Вобан в XVII столетии, Вольтер и «Энциклопедия» в XVIII в.) объявили его своим предшественником. Французская буржуазная историография создала тома легенд о Жакке Кер

⁷² [Ange Goudar]. Les Intérêts..., Amsterdam, 1757, t. I, Preface, p. 1.

⁷³ Ibid., p. 125.

⁷⁴ Ibid., p. 128.

⁷⁵ Ibid., p. 131.

Гудара входит и подлинно революционно-демократическое требование замены регулярной армии народной милицией, и характерное для многих просветителей требование об ограничении численности монашества и снятии ограничений с евреев, проживающих во Франции (программа, осуществленная позднее якобинцами).

Наряду с этими положениями, выдвигавшимися многими экономистами третьего сословия, в труде Гудара имеется развернутая защита интересов ремесленников, страдающих от появления нового угрожающего конкурента — машины. «Указывают, — пишет он, — и в этом сила утверждений «машинистов», что машины, удешевляя труд, приносят новые богатства государству. Но при этом не замечают, что эти богатства распределены ненадежно и сосредоточиваются лишь у небольшого числа частных лиц, владеющих этими машинами» ⁷⁶.

В некоторых высказываниях Гудара звучит явная уравнилельская тенденция. Так, он пишет: «Можно геометрически доказать, что сумма в 10 миллионов, обращающаяся среди 50 тысяч рабочих, приносит больше благ государству, чем сумма в 100 миллионов, обращающаяся лишь среди тысячи человек» ⁷⁷.

Вольтер читал книгу Гудара, хотя нигде ни словом не обмолвился о ней. Он оставил в своем экземпляре несколько закладок, а на титульном листе под заголовком «Плохо поняты интересы Франции» написал — *ne sont ils pas mal entendus de l'auteur* (а не плохо ли они поняты автором?) ⁷⁸. Понятно, почему эта радикальная программа вывела из себя Вольтера — крупного землевладельца, графа Турне и фернейского предпринимателя.

Историки общественной мысли неоднократно отмечали аскетический характер коммунистических утопий XVIII в. — Мелье, Морелли или Дешана. Следует отметить, что, хотя Гудар далек от утопического коммунизма, он сближается с ним своим аскетическим протестом против роскоши и, в частности, против театральных излишеств. Вмешавшись в полемику глюкистов и пиччинистов, разделившую меломанов Франции на два лагеря, он опубликовал анонимную брошюру «Разбой итальянской музыки» ⁷⁹. В ней Гудар утверждает, что народ заинтересован в споре любителей музыки лишь как ...жертва грабежа. Он пишет: «Поражает, что король Польши платит миллион эку за постановку новой оперы; самое отдаленное потомство будет знать, что король Португалии заплатил миллион эку пяти или шести калекам ⁸⁰, чтобы они спели ему несколько арий. Парижская опера, созданная, чтобы развлекать бездельников, стоит государству ежегодно 700 тысяч ливров; а это является как раз той суммой, которую нужно истратить, чтобы обеспечить жизнь 2 тысяч граждан, умирающих с голоду» ⁸¹.

Гудар является также автором «Проекта всеевропейского мира» ⁸², в котором спрашивает — могут ли быть войны справедливые, и сам же

⁷⁶ [Ange Goudar]. Les intérêts..., t 2, p. 294.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Библиотека Вольтера (в фондах ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), шифр 2—249.

⁷⁹ [Ange Goudar]. Le Brigandage de la musique italienne. A Amsterdam, et se trouve à Paris, 1780.

⁸⁰ Намек на оперных певцов-кастратов.

⁸¹ [Ange Goudar]. Le Brigandage de la musique italienne, p 2.

⁸² [Ange Goudar]. La Paix de l'Europe ne peut s'établir qu'à la suite d'une longue trêve, ou Projet de pacification générale... par M. le chevalier G***. Amsterdam, 1757.

дает ответ: «...все исследования, чинимые о сей материи, утверждают только естественную оборону»⁸³. Перечислив открытия последних столетий и колонии, которыми обладает Европа, он заявляет: «Все завоевания кончены. Шар земной уже разделен»⁸⁴. Отсюда он делает вывод о необходимости прекращения войн: «Войны должны пресечь войны»⁸⁵. Гудар утверждает, что ненужные войны только приводят к закабалению народов, вследствие чего «во многих государствах нынешних различие рабства не состоит в деле, а только в выражении»⁸⁶. Между тем войны, по его мнению, ничего не дают даже победителю, ибо «двадцать миллионов жителей могут сделать государство богаче и могущественнее того, которое имеет только пятнадцать. Люди сами по себе имеют уже цену»⁸⁷. Поэтому Гудар предлагает запретить войну для начала на 20 лет и выдвигает «План трактата о всеобщем перемирии», в котором мы находим своеобразный проект международного трибунала. «IX. Ежели кто-либо из властелинов будет настаивать в том, чтоб иметь войну, тот да будет сослан из Европы на заточение (то есть, да отнимется у него власть во всех делах) до самого окончания трактата об отложении оружия.— X. Волости того государя, который послан на заточение из Европы, не должны принадлежать никакой другой частной державе; и сие государство должно почитаться за такое, которое никакой не имеет политической деятельной власти»⁸⁸. Гудар писал, что если его проект не будет принят, тогда утвердится «всеобщее бедствие народов»⁸⁹.

Нет ничего удивительного, что этот яростный памфлетист и социальный реформатор был вынужден бежать из Франции: некоторое время он жил в Голландии, затем переехал в Венецию, Неаполь, но нигде не нашел признания. Позднее он был изгнан из Неаполя за книгу о Неаполитанском королевстве⁹⁰ (аббат Гальяни называет эту книгу «страшным и жестоким трудом», — *ouvrage terrible et sanglant contre notre administration*⁹¹), и, наконец, нашел убежище в Англии, где и умер в 1791 г.⁹²

Памфлеты Гудара не только сделали его жертвой преследования со стороны правительств различных государств; правое крыло энциклопедистов тоже встретило их отрицательно. Характерна, например, запись Гримма в «Литературной корреспонденции» от 15 февраля 1765 г.: «В Лондоне опубликован «Китайский шпион». Это еще одна из тех новинок, которые являются столь многообещающими для тех, кто ищет, чтобы спастись от голода. Автор — француз, бежавший в Лон-

⁸³ Цитирую по русскому переводу Р. М. Цебрикова: Аня Г у д а р. Мир Европы не может иначе восстановиться, как только по продолжительном перемирии, или проект всеобщего замирения... Переведено с французского языка в стане перед Очаковым в 1788 году... СПб., 1789, стр. XXVIII.

⁸⁴ Там же, стр. 15.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же, стр. 34.

⁸⁷ Там же, стр. 123.

⁸⁸ Там же, стр. 183.

⁸⁹ Там же, стр. 184.

⁹⁰ [Ange G u d a r]. Naples, ce qu'il faut faire pour rendre ce royaume florissant. Amsterdam (Venise), 1774.

⁹¹ G a l i a n i, abbé. Correspondance publ. par L. Perey et G. Maugras. Paris 1890, t. I, p. 49.

⁹² В ЦГАДА имеются два письма Гудара Д. М. Голицыну, в которых он наивно просит внимания и протекции просвещенного вельможи. Из них первое (1772 г.) написано еще из Венеции, второе (1773 г.) уже из Неаполя (ЦГАДА, ф. Голицыных. оп. 1263, дд. 1175 и 1176).

дон. Его зовут Гудар... Его «Китайский шпион» полон гнусных и нелепых выпадов; это — самый отвратительный памфлет, который только можно прочесть. Г-н Гудар из тех достойных писателей..., которые заслуживают, чтоб их привязали к позорному столбу и выставили бы на публичное восхищение»⁹³.

Даже если бы Гудар был единственным писателем середины XVIII в., делавшим ставку на народное восстание, то и тогда он представлял бы для нас интерес. Но поскольку в ту эпоху мы находим его единомышленников, постольку его значение вырастает во много раз. Интересно в этом отношении сопоставить его с писателем Лабомелем (Laurent Langliviel de la Beaumelle, 1727—1773), сначала скромным учителем французской литературы и языка в Копенгагене, затем (после пребывания в Берлине и ссоры с Вольтером) — узником Бастилии, и, наконец, библиотекарем в Тулузе, где он первый, до Вольтера, поднял голос в защиту Каласа, опубликовав соответствующий защитительный «Мемуар»⁹⁴.

Если верить Вольтеру, то мы узнаем от него, что Лабомель — плагиатор, опубликовавший его «Век Людовика XIV» с примечаниями, «в которых самое грязное невежество изрыгает самую гнусную клевету» (письмо к Ж.-Ж. Руссо от 30 августа 1755 г.⁹⁵). Вольтер с яростью обвиняет Лабомеля в подстрекательстве к цареубийству⁹⁶ и, наконец, называет его то «уроженцем Севенн», то «презренным беглецом из Севенн»⁹⁷. В этих последних словах для советского историка и заключается ключ к пониманию политической позиции Лабомеля. Если Лабомеля, родившегося через 20 лет после севеннского восстания камизаров, называют «уроженцем Севенн» и «беглецом из Севенн», то дело, очевидно, не в его происхождении, а в его идейном облике. Это подтверждается при первом же обращении к его книге «Мои мысли»⁹⁸, в которой обнаруживается подлинная революционная страстность, сближающая его с Гударом, тот боевой призыв к сопротивлению деспотии, который историки тиетно ищут в «большой» литературе эпохи. Если Олар утверждает, что до 1789 г. никто во Францию не помышлял о революции и что вся французская мысль века была монархической, если у нас в литературе о французской революции ни словом не упоминают об идейной подготовке или идейном осмыслении бесчисленных предреволюционных крестьянских восстаний, то это указывает лишь на то, что ни Гудар, ни Лабомель не попали в поле зрения исследователей.

В задачу настоящей статьи не входит подробная характеристика Лабомели: его личность, его творчество столь своеобразны, что заслуживают самостоятельного исследования. Однако стоит привести несколько афоризмов из его запрещенной книги «*Mes pensées*», чтобы найти в ней подтверждение нашего тезиса о том, что идейные корни ре-

⁹³ M. Grimm. Correspondance littéraire, t. VI, Paris, 1878, p. 210.

⁹⁴ [La Beaumelle]. La Calomnie confondue, ou Mémoire dans lequel on réfute une nouvelle accusation intentée aux protestans de la province du Languedoc, à l'occasion de l'affaire du Sr. Calas détenu dans la prison de Toulouse. Au désert, 1762. Очевидно, этот «Мемуар» остался неизвестен проф. Н. Н. Полянскому, писавшему о деле Каласа: «Вольтер один поднял на ноги всю Францию...» (см. Н. Н. Полянский. Вольтер — борец за правосудие и за реформу права. Сб. «Вольтер». Статьи и материалы под ред. В. П. Волгина. М.—Л., 1948, стр. 258).

⁹⁵ Voltaire. Oeuvres, t. 38, p. 448.

⁹⁶ Ibid., t. 20, p. 328, t. 37, p. 541.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ La Beaumelle. Mes pensées. Paris, 1753.

волюции 1789—1794 гг. уходят в толщу запретной литературы, и в первую очередь — ее плебейского крыла.

Об остроте мыслей Лабомеля, значительно опередившего свое время, можно судить по такому наблюдению: «Г-н Монтескье открыл принципы трех образов правления. Эти принципы не подходят нациям Европы, потому что в Европе больше нет ни монархии, ни демократии, ни деспотизма. Сегодня все — торговли. Законы, указы, флот, финансы — все направлено к этой цели. Прибыль стала принципом всех государств..., коммерция всюду стала верховным законодателем»⁹⁹. Несколькими годами позже эту же мысль высказал в своем «Кодексе природы» Морелли. Он пишет, обращаясь к Монтескье: «Вы говорите, что принципы демократии — это честность, добродетель; что аристократия держится умеренностью, что монархия основана на чести, что страхом укрепляется суровое владычество деспотизма. Великий боже, какие хрупкие устои! Все они покоятся, в большей или меньшей мере, на собственности и интересе, самых непрочных из всех фундаментов»¹⁰⁰. Это же положение в отточенной формулировке Ленгэ («Собственность — вот дух законов») с одобрением приводит К. Маркс¹⁰¹. А. М. Деборин пишет по этому поводу, что «похвала Маркса по адресу Ленгэ должна быть переадресована Морелли»¹⁰². Дело, однако, не в приоритете, хотя ясно, что Ленгэ выступил позднее Лабомеля и Морелли, когда противоречия буржуазного строя вырисовывались уже более четко. Гораздо важнее та близость взглядов, то отрицание собственности, которое мы равно обнаруживаем у коммуниста-утописта Морелли, у уравнителя Ленгэ, у плебейского идеолога Лабомеля.

У Лабомеля мы находим разительные догадки об угнетении как факторе, рождающем сопротивление народа: «Именно в угнетении рождаются великие гении, зачинающие и рождающие свободу... Сто тысяч солдат отступят перед народом, когда отчаяние ожесточит его душу. Народ, который захочет победить, — победит»¹⁰³. Отсюда вырастает афористически отточенный вывод: «Великие мира сего имеют над нами лишь то преимущество, которое дарит им наша низость или дозволяет им наша слабость»¹⁰⁴. Из этого делается широкое обобщение: «...именно слабость народа и составляет силу королей»¹⁰⁵. Последняя мысль чрезвычайно близка к изречению Марата: «... трусливость самих народов, вот что дает возможность ковать им цепи»¹⁰⁶, или к знаменитому изречению Лустало, печатавшемуся в качестве лозунга на первой странице еженедельника «Парижские революции»: «Великие кажутся нам великими только до тех пор, пока мы стоим на коленях. Поднимемся же...»¹⁰⁷. Местами «Мои мысли» Лабомеля столь разительно перекликаются с боевой демократической публицистикой Французской революции, что его, несомненно, нужно считать одним из ее идейных предшественников.

⁹⁹ Ibid., p. 70.

¹⁰⁰ Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.—Л., 1947, стр. 131.

¹⁰¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. 1. М., 1957, стр. 322.

¹⁰² А. М. Деборин. Социально-политические учения нового времени, т. I. М., 1958, стр. 303.

¹⁰³ La Beaumelle. Mes pensées, p. 52.

¹⁰⁴ Ibid., p. 77.

¹⁰⁵ Ibid., p. 82.

¹⁰⁶ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. I. М., 1956, стр. 127.

¹⁰⁷ А. М. Деборин. Указ. соч., т. I, стр. 518.

То «подстрекательство к царубийству», о котором говорит Вольтер, оказывается размышлением Лабомеля (близкого в этом к Марату) о том, что возмущение историка решительностью английских революционеров XVII в. бессмысленно: «К чему нам пугаться казни Карла I? Сегодня он все равно был бы мертв»¹⁰⁸. В конце концов автор с неумолимой убедительностью подводит читателя к мысли о необходимости и неизбежности всеобщей, всеевропейской революции: «Если ярмо будет по-прежнему давить, в Европе обязательно произойдет всеобщая революция. Эта революция наступит тогда, когда у народов... останется лишь душа, да и та останется у них лишь потому, что душу нельзя продать с публичного торга»¹⁰⁹. Даже пытаясь оставаться в рамках лояльности и вызывая к идеальному «доброму монарху», он пишет: «Самые мягкие законы, которые король может даровать своему народу, суть наиболее жестокие против его угнетателей»¹¹⁰.

В середине XVIII в. и другие деятели предвидели неизбежность революции. Достаточно показателен в этом отношении дневник д'Аржансона. Вольтер также, хотя и несколько позже, выражал уверенность в близости революции¹¹¹. Но дневник д'Аржансона, как и письма Вольтера, не предназначались для печати. А кроме того, их отношение к ожидаемому перевороту резко отличалось от отношения Лабомеля или Гудара: д'Аржансон думал о революции со страхом, а для Вольтера она — результат глупости правительства, не принявшего спасительных реформ Тюрго. Она чужда ему и философски, чужда его концепции постепенного прогресса, грядущего торжества разума, приходящего в результате того, что каждый «обрабатывает свой сад». Таким образом, Лабомель был первым (после Жана Мелье), кто сознательно делал ставку на революцию. Он не верил в возможность реформ и не надеялся на компромисс. Уверенный в победе революции, он даже не спрашивал себя, к чему она приведет; он торопит ее, потому что жить по-прежнему уже невозможно, — у народа действительно скоро останется «одна душа». Надежды Лабомеля на революцию отличают его от просветителей-реформаторов. Поэтому он даже полемизирует с Вольтером, утверждая, что тот не любит свободу, а лишь «волочится за нею»¹¹². О Лабомеле можно с равным правом сказать то же, что и о Марате, а именно, что он утверждает «непререкаемое право народа на революцию»¹¹³. Но Лабомель писал об этом на 20 лет раньше, чем Марат.

Иначе, чем Гудар или Лабомель, апеллирует к народу аббат Куайе (François-Gabriel Coquer, 1707—1782). Он не упоминает о восстании, но находит свой способ изложить буржуазно-демократические требования «небуржуазным способом».

Он подвергся преследованиям лишь за свою книгу «История Яна Собесского», в которой была задета persona Станислава Лещинского — короля Польши, тестя Людовика XIV. Другие же произведения Куайе

¹⁰⁸ La Beaumelle. Mes pensées, p. 185.

¹⁰⁹ Ibid., p. 104.

¹¹⁰ Ibid., p. 288.

¹¹¹ См. письмо Вольтера Шовлецу, 2 апреля 1764 г. (Voltaire. Oeuvres, t. 43, p. 175).

¹¹² La Beaumelle. Mes pensées, p. 351.

¹¹³ А. З. Манфред. Жан-Поль Марат и его произведения. Вступ. статья к кн. Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. I, стр. 24.

вызывали лишь град насмешек Вольтера¹¹⁴, что определило отношение современников к нему, как к безопасному чудаку; это не соответствовало содержанию его книг, в которых было много мыслей, содержащих протест против королевских ординасов о труде и крестьянской барщине. В его книге «Моральные безделки»¹¹⁵ мы обнаруживаем и свойственный всему третьему сословию протест буржуа против дворянского засилья в армии¹¹⁶ и ропот крестьянина, которого заставляют верить, «будто он должен пахать, сеять, убирать — и ничего не иметь в своих закромах»¹¹⁷. Куайе приглашает читателей из народа («Народ, своими трудами являющийся опорой государства, не имеет ли права на развлечение?») проследовать в театр теней, где зрители «увидят две противостоящие друг другу армии граждан одного и того же государства, одну — одетую в бархат, и другую — в дерюгу. Последняя всегда наклонена над землей, добывая на ней хлеб, тогда как первая покоится на всегда полных складах, причем жадность ее не уменьшается: она оспаривает у другой те крохи хлеба, которые не попадают в ее склады. Тогда ряды дрогнут. Равный пыл с обеих сторон. Но так как у армии голодных нет оружия, кроме мотыг, цепов и кос, победа достанется другой стороне, которая пустит в ход мощную артиллерию. И в тот же миг победители ринутся на этот хлеб раздора, съедят его и знаками разъясят побежденным, что им еще оказывают милость, не съедая их самих»¹¹⁸. Эти строки не позволяют пока говорить об оригинальном классовом самосознании, — его еще не видно. Понятнее о двух противостоящих друг другу классах уже глубоко проникло в сознание многих. Еще Жан Мелье писал в своем «Завещании», обращаясь к беднякам: «...у вас нет худших и злейших врагов, чем знатные, великие и богатые»¹¹⁹; Вольтер принимал это положение как должное: «...нужны люди, у которых бы не было ничего, кроме их рук и доброй воли..., они будут иметь право продавать свой труд тому, кто больше заплатит, и это заменит им собственность»¹²⁰. Французская революция не только противопоставила нацию (третье сословие) силам абсолютизма, но и произвела деление на активных граждан, обладающих цензом, и пассивных — бедняков. Как известно, в попытке объединить всех бесправных бедняков, отстоять интересы всех неимущих погибли вожди «бешеных» Жак Ру и организатор «Социального кружка» Клод Фоме.

Но Куайе не только противопоставляет класс бедняков классу богатей. Он выступает не просто от имени нищеты, а от имени труда — и в этом его особенность. Не ограничиваясь критикой, он выдвигает в своей книге и положительную программу морального оздоровления нации, в которой развертывает некую патриархальную утопию. Указав, что проповедь добродетели, возвещаемая с церковного амвона, всегда, во все исторические эпохи не имела успеха, Куайе предлагает возложить заботу о нравственности граждан на государство, создав при нем ин-

¹¹⁴ Обнаружив в его книге «Торгующее дворянство» (*La Noblesse commerçante*) призыв к французскому дворянству заняться, по примеру английского, общественно полезной деятельностью — мореплаванием, коммерцией и т. п., — Вольтер поднял его на смех. Это определило отношение современников к Куайе.

¹¹⁵ F.-G. Coquer. *Bagatelles morales*. Londres — Francfort, 1755.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 14.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 49.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 62—63.

¹¹⁹ Цит. по: В. П. Волгин. Жан Мелье. Вступ. статья к кн. Жан Мелье. *Завещание*, т. I, М.—Л., 1954, стр. 17.

¹²⁰ *Dictionnaire philosophique*, art. «Propriété». Цит. по: К. Н. Державин. Вольтер. Л., 1946, стр. 277.

ститут цензоров. Опорой государства при этом должны стать отцы семейства, облеченные абсолютной полнотой власти внутри каждой семьи (включая жену, детей и домашних слуг); отцы, по этому проекту, не имеют права лишь убивать и продавать в рабство своих домочадцев. Зато на отцов возлагается моральная ответственность перед обществом за поведение членов семьи и слуг. Хотя Куайе здесь ссылается на Плутарха и римские доблести, за его античным идеалом скрывается идеология ремесленника XVIII в. Это видно из того, что высшим моральным критерием человека Куайе признает его социальную полезность: общество имеет право требовать, чтобы каждый гражданин был деятельно полезным для нации. Поэтому он предлагает на каждом доме вывешивать списки его обитателей с указанием их профессий, дабы каждый прохожий мог судить о степени их полезности обществу¹²¹.

Немудрено, что тот же Гримм отмечал в своей «Литературной корреспонденции»: «Я не удивлюсь, если эти «Безделки» покажутся значительными в провинции или в некоторых кварталах Парижа. У каждого квартала есть свои остроумцы; и если г-н аббат Куайе не пользуется успехом в квартале Пале-Рояля или в предместьи Сен-Жермен, он тем не менее может сойти за Кребильона¹²² в Марэ или на улице Сен Дени»¹²³. В следующем году аббат Куайе выпускает памфлет под вызывающим названием — «Рассуждения, которые следовало бы прочесть»¹²⁴, состоящий из двух частей: «Рассуждения о старом слове «отечество»» и «Рассуждения о природе народа». В этих двух «Рассуждениях» мы обнаруживаем выдвинутую автором задолго до революции 1789—1794 гг. программу революционного якобинского патриотизма. якобинскую идею подчинения церкви государству (далеко выходящую за пределы учения о независимости галликанской церкви от власти папы) и, наконец, отчетливую попытку отмежеваться от буржуазии, осознать место трудящихся в недрах третьего сословия.

Куайе прежде всего доказывает, что понятия «отечество», «королевство», «государство» и «Франция» — не синонимы. Выше всего он ставит понятие «отечество». Как же, по его мнению, относятся к этому понятию его современники? При упоминании этого слова «человек из народа заплакал; юрист нахмурил брови, сохраняя мрачное молчание; военный чертыхнулся; придворный стал его высмеивать; а финансист спросил, не означает ли это слово нового откупа»¹²⁵.

Понятие «отечество» Куайе определяет следующим образом: «...внутри одной нации мы обнаруживаем как бы две нации, одну — полагающую себя счастливой, как бы ни была несчастна другая... В школах детям постоянно твердят о боге и короле; но им не говорят, что бог — создатель отечества, а король — его отец. А если бы в тех домах, где готовят служителей религии, стали бы внушать, что они в первую очередь принадлежат отечеству, а затем уже — алтарю, разве алтари были бы хуже обслужены?»¹²⁶.

В своем втором «Рассуждении» Куайе, однако, показывает, что единства внутри третьего сословия (внутри «нации») не было уже в

¹²¹ F.-G. Coyer. De la predication. Collections complètes des œuvres de M. l'abbé Coyer. Neuchatel, 1780, t. I, p. 355.

¹²² Кребильон младший — модный в аристократической среде автор остроумно-гривуазных повестей.

¹²³ M. Grimm. Op. cit., t. I, 1829, p. 157

¹²⁴ [F.-G. Coyer] Dissertations pour être lues La Haye, 1755.

¹²⁵ Ibid., p. 24—25.

¹²⁶ Ibid., p. 31—32.

середине столетия, что в это время плебейские трудящиеся массы отказывали буржуазии в праве именоваться народом. «Когда-то народ был самой полезной, самой добродетельной и — как следствие этого — самой уважаемой частью нации. Он состоял из земледельцев, ремесленников, негоциантов, финансистов, литераторов и юристов. Но юристы решили, что судить людей столь же почетно, как и убивать их, и получили дворянство без помощи шпаги. Литераторы, по примеру Горация, сочли народ невежественным и повернулись к нему спиной. Финансисты взлетели столь высоко, что, только насилуя себя, они опускаются до уровня самых высших. Невозможно больше смешивать негоциантов с народом, раз они краснеют от своей принадлежности к нему... Таким образом, народом остаются лишь земледельцы, слуги и ремесленники... Народ, сведенный к этому, не перестает быть самой многочисленной и может быть самой необходимой частью нации»¹²⁷.

С иронией, временами поднимающейся до свифтовской силы, Куайе ставит под сомнение само представление о принадлежности народа к человечеству: «Все философы согласны, что основное отличие человека от животных составляет разум. Исходя из этого принципа, я рассматриваю народ, в первую очередь его образ жизни. Он живет в хижинах или в трущобах, которые ему предоставляют наши города, потому что нуждаются в его силе. Он встает с солнцем, не обращая внимания на фортуна, смеющуюся над ним, он надевает свою одежду, одну и ту же во все времена года, он обрабатывает наши земли, возделывает наши сады, трудится в наших шахтах и каменоломнях, осушает наши болота, чистит наши улицы, строит наши дома и изготавливает нашу мебель. Когда он проголодается, все хорошо для него. Когда день кончается, он засыпает на жестком ложе в объятиях усталости. Так и животные, которых мы приручили, — бык и лошадь — выполняют все работы, которые мы им навязываем, не прося у нас ничего, кроме пищи и крова. Но разум ли это?»¹²⁸. Таким образом, и здесь для Куайе «народ» и «труженик» — синонимичные понятия.

Куайе распространяет иронию и на признание обществом добродетелей народа: «Да и есть ли у него добродетели? Я еще ни разу не читал панегирика земледельцу; точно так же не сочиняют панегириков волю, который вместе с ним провел борозду. Но разве народ не вызывает терпения? Он терпит голод, жару, холод, высокомерие знатных, наглость богачей, грабеж откупщиков, разбой сборщиков податей, даже разорение своих полей дикими зверями, которых он не смеет прогнать со своих полей из почтения к удовольствиям сеньора»¹²⁹.

«На охоте равно разрешается загнать коня или ловчего; после боя не называют убитых солдат, как не называют убитых лошадей»¹³⁰. Даже человеческий облик, иронически говорит Куайе, не доказывает еще, что народ состоит из людей: «Можно ли доверяться видимости? Ньютон открыл, что кумач не является красным, Мальбранш и Беркли, — что мы живем в мире иллюзий, где не существует тел»¹³¹.

Но все же автор берется доказать, что народ — это люди. Для этого он прибегает к доводам анатомии («вскрыв голову земледельца, который повесился, потому что вот уже много лет, как после уплаты королю

¹²⁷ [F.-G. Coyer]. Dissertations pour être lues, p. 45—46.

¹²⁸ Ibid., p. 46—47.

¹²⁹ Ibid., p. 51.

¹³⁰ Ibid., p. 56.

¹³¹ Ibid., p. 57—58.

ему нечем было жить»), к примеру иностранных конституции («В национальной ассамблее Швеции заседает сословие крестьян»), к историческому прецеденту («Разве не верили наши отцы до царствования Людовика XIII, что народ может занимать место в Генеральных штатах?») и, наконец, к доводу юридического неравенства («Мы отказываем народу в разуме, а наши законы его карают: тюрьмы, пытки, виселицы, колесование обычны для него... Я скажу больше: если судить о разуме по карам, то народ более разумен, чем порядочные люди») ¹³². Куайе заканчивает свой памфлет словами: «Следовательно, народ состоит из людей. Но нужно, чтобы он никогда этого не узнал: и я говорю об этом лишь богачам, министрам и вельможам, которые смогут как и прежде злоупотреблять неведением народа» ¹³³.

Известен также неоднократно приписывавшийся Вольтеру философский роман Куайе «Чинки, кохинхинская история» ¹³⁴, где на экзотическом фоне условного Востока разворачивается борьба против реального бедствия, тормозившего развитие производительных сил Франции — против цеховой организации ремесла. Канву романа составляют комические приключения кохинхинского крестьянина Чинки, приведшего своих сыновей в город учиться ремеслу и безуспешно пытающегося женить их на дочери или вдове какого-нибудь мастера, чтобы они получили право вступления в цех. Известно, что против цеховой системы, как препятствия на пути капиталистического прогресса, боролся еще министр Людовика XVI Тюрго; поэтому некоторые современники предположительно приписывали роман Куайе сотруднику министерства Тюрго Кликю де Блерваш. Однако Куайе не отстаивает взглядов министерства: из всего романа видно, что он стоит не на точке зрения администрации, как и не на точке зрения ремесленника-предпринимателя, и в еще меньшей мере на позициях капиталиста, владельца мануфактуры. Он защищает интересы учеников и подмастерий, т. е. эксплуатируемых низов цеховой системы, выступает как защитник и идеолог плебейства.

Литература XVIII в. не знает деления на классы, ей свойственно лишь деление на сословия. Даже в 1789 г. у Дюфурни речь идет о четвертом сословии, о «священном сословии несчастных» ¹³⁵, объединяющем всех неимущих. «Бешеные» не ушли дальше деления общества по потребительскому признаку, выступая от имени «огромного общества людей, лишенных хлеба и одежды и приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и спекуляцией» ¹³⁶. В 1774 г. будущий «друг народа», Ж.-П. Марат, писал: «...большие города знают лишь два класса граждан, из коих один прозябает в нищете, а второй полон излишеств; один обладает всеми средствами угнетения, а другой не имеет никаких средств защиты» ¹³⁷. Таким образом, и он, как в эти годы, так и позже, в 1790 г., только еще «приближается к пониманию, пусть примитивному, членения общества на классы» ¹³⁸.

И если Куайе противопоставляет не просто бедных богатым, а труженников — богатым бездельникам, и говорит о трудящихся как о на-

¹³² [F.-G. Coyer]. Dissertations pour être lues, p. 59—67

¹³³ Ibid., p. 70.

¹³⁴ [F.-G. Coyer]. Chinki, histoire cochinchinoise. La Haye, 1772.

¹³⁵ A. Soboul. Op. cit., p. 14.

¹³⁶ Я. М. Захер. Указ., соч., стр. 24.

¹³⁷ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. I, стр. 106.

¹³⁸ А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 22.

ции; и если Гудар выставляет требование защиты трудящихся от наступления машин, снижающих их заработок, то мы вправе усмотреть у этих неизвестных писателей более четкую классовую позицию, позицию защиты тружеников.

* * *

Пренебрегая запретной литературой как источником для воссоздания подлинной истории французской литературы XVIII в., мы не только упрощаем (а значит — схематизируем и искажаем) свое представление об идейной борьбе изучаемой эпохи, но и обедняем себя эстетически, ибо упускаем из круга зрения такого, например, оригинального художника, как Анри-Жозеф Дюлоран. Жизненный путь его был пелегок: он был беглым монахом, уличным писцом в Париже, грузчиком Антверпенского порта, затем корректором и кабальным должником голландского издателя. Этот интересный и самобытный писатель незаслуженно забыт мировым литературоведением, а нашему литературоведению совершенно неизвестен. В свое время Вольтер объявил его автором своего романа «Ingénu» («Гурон» или «Простодушный»). и памфлета «Китайский император и брат Риголе, или отчет об изгнании иезуитов из Китая». Современники то считали Дюлорана автором произведений Вольтера, то Вольтера — автором произведений Дюлорана. Известная библиография Банжеско уделяет много внимания опровержению этих атрибуций, и мы узнаем из нее, что Вольтеру приписывали ряд книг Дюлорана: «Иезуитики», «Современный Аретино» и даже его основное произведение роман «Кум Матье»¹³⁹.

Произведения Дюлорана приписывались Вольтеру по ошибке. Но в ошибках читателей была своя закономерность, ибо сходство между ними не случайно: Дюлоран стремился быть похожим на Вольтера. Однако его социальный опыт помог ему увидеть и поднять такие вопросы, которые были чужды Фернейскому патриарху. Опирая художественными приемами Вольтера и гордясь своим ученичеством у него, Дюлоран, тем не менее, воспринимает мир иначе: не в отвлеченном плане философской полемики, а как арену ожесточенной социальной и политической борьбы. Иезуиты и их идеология, с которой он борется, или феодальная юстиция с ее двойными весами — для привилегированных сословий и для третьего сословия — для него не только теоретические противники, а личные (и классово-личные) враги. Сарказм и диалектика Вольтера под его пером поэтому приобретают, особенно в его лучшем произведении «Кум Матье», острую социальную направленность¹⁴⁰.

Дюлоран прежде всего — скептик. Истина для него — это помело, упавшее с неба и рассыпавшееся на тысячу кусочков. Каждый, подобрив в грязи какую-нибудь щепку, порой не имевшую никакого отношения к злополучному помелу, кричит, что он является обладателем всего помела, требует, чтоб ему верили и поклонялись, и хочет диктовать свое понимание «помела» миру¹⁴¹.

¹³⁹ G. Bengesco. Voltaire, bibliographie de ses œuvres, v. 1—4. Paris, 1882—1890. V. I, p. 455; v. II, p. 220—221.

¹⁴⁰ Подробнее о Дюлоране см. нашу статью: «Роман Дюлорана «Кум Матье» (Из истории плебейского крыла французского Просвещения)». «Вопросы литературы», 1960, № 5.

¹⁴¹ [H.-J. Dulaurens] Le Balai. Poème héroï-comique en dixhuit chants. A Constantinople [Amsterdam], de la typographie du Mouphti, 1762.

Поэтому для него сомнительна созданная буржуазными просветителями легенда о процветании Англии после так называемой славной революции — «этой обильной и счастливой страны, где, как говорят, царствует свобода...; где каждый честный человек спокойно обладает тем, что имеет; где рассудительный человек может говорить, что он думает; где всякий волен идти на небо той дорогой, какой ему угодно». Этой утопии Дюлоран противопоставляет жестокую действительность: «Народ, у которого ремесленники собираются толпами три или четыре раза в год с криком «работы или хлеба», такой народ не может называться богатым, ...такой народ не может называться счастливым..., такой народ не может называться свободным»¹⁴². Особенно поразило Дюлорана господство религиозного фанатизма в Англии, пропаганда церковников различных сект, проповедующих народу смирение. Отсюда его мрачный вывод: «Взнузданный суеверием, со страхом ожидающий будущего, он (народ. — Л. Г.) ползает, трепеща, у ног тех, кто по своей прихоти обещает ему спасение или гибель; это — пес, сидящий на цепи и позволяющий своему хозяину бить или ласкать его и сознающий свою силу и свою смелость лишь для того, чтобы с яростью броситься на тех, против кого его натравят»¹⁴³.

Борясь против ученых иезуитов, пытающихся примирить религию и науку, Дюлоран пародийно воспроизводит рассуждение о «естественном» способе, каким бог пропускает верблюда через игольное ушко. Оказывается, богу ничего не стоит при помощи чуда сделать верблюда дисперсным, хотя бы и на такой крапкий отрезок времени, что мы не можем этого узреть телесными очами¹⁴⁴. Но не больше почтения он испытывает и перед масонством — попыткой представить «разумную» религию на место «богооткровенной», теистическую ловушку на место теологической. Он пишет: «Что такое франкмасонство?.. Представь себе общество безумцев, которые уверяют, будто воскресили в своей среде первобытное равенство золотого века и воплотили в себе все возможные моральные добродетели. А в это время дворянин масон в глубине души отлично сознает, что он на пять тысяч пик выше другого масона — торговца или ремесленника; но тот и другой, как и все остальные члены общества, в действительности являются тем, чем они были до того, как «узрели свет», т. е. подвержены тем же слабостям, тем же недостаткам, тем же порокам, став, может быть, лишь более лицемерными»¹⁴⁵.

Чрезвычайно любопытно отметить резко противоположное отношение к праву собственности, проявленное авторами двух философских романов — Вольтером в «Кандиде» и Дюлораном в «Куме Матье». Для Вольтера право собственности не подлежит никакому сомнению, даже в утопическом Эльдорадо имеются торговля и деньги, бедные деревни (богатые лишь с точки зрения наивного героя) и даже рынок. Иначе смотрит на собственность плебей Дюлоран. «История юриспруденции доказывает мне бесполезность, нелепость, вред права собственности. Со времени установления этого права люди не сумели ни понять его, ни применить. У каждой нации есть свои законы на этот счет, в каждой стране — свои обычаи; у каждого законодателя, каждого юриста — свое различное мнение. Отсюда следует мошенничество, несправедли-

¹⁴² [H.-J. Dulaurens] Compère Mathieu, t 3, p 34—36.

¹⁴³ Ibid, p 37

¹⁴⁴ Ibid, p 90

¹⁴⁵ Ibid, t 1, p 228—229

вость, ненависть, враждебность, лабиринт сутяжничества, богатство одних на основе разорения других, одним словом — большая часть известных бед, в подробности которых нет смысла входить»¹⁴⁶.

У Лабомеля и у Дюлорана можно обнаружить общие взгляды с Маратом. В «Цепях рабства» Марат пишет о роли денег. «Народ становится добычей сборщиков податей, финансистов, ростовщиков, взяточников — ненасытных вампиров, живущих только грабежом, вымогательством, разбоем, разоряющих народ, чтобы завладеть его имуществом»¹⁴⁷. Тут сходство с Дюлораном обнаруживается не только в мыслях, но и в форме высказывания¹⁴⁸.

Дюлоран не питает иллюзий и относительно идеального «естественного народа», к которому попадают герои его романа. Любопытно, что жертвой предвзятых представлений оказывается даже центральный философствующий персонаж книги, сам кум Матье, восхищенный блаженным бытием этих людей, живущих лишь по законам природы. Он восклицает в восторге: «Этот народ мягок, человечен, щедр, не знает ни страха, ни честолюбия, ни даже ревности. У него нет ни законов, ни религии, ни предрассудков, мучающих его... О, тысячекратно счастливый народ! Я хочу окончить мои дни с тобою!»¹⁴⁹. Но в романе руссоистская идиллия оборачивается чудовищным каннибализмом. С точки зрения Дюлорана, народ, еще не знающий законов, — это народ, не вышедший из звериного состояния.

Дюлоран здесь перекликается с одним из любопытнейших мыслителей своего времени, представителем утопического коммунизма XVIII в., Дешаном, у которого мы находим указания на эволюцию человека от «состояния дикости» к тому «состоянию законов», которое необходимо на пути к разумному социальному строю, называемому Дешаном состоянием нравов. Характерно, что и этот автор — «толстый бенедиктинец», как его называет Дидро — представитель тех же плебейских кругов, к которым принадлежит и Дюлоран¹⁵⁰.

Идеи книги Дюлорана резко отличались от основных идей энциклопедистов, ожидавших немедленного всеобщего счастья с наступлением «царства разума», являвшегося «не чем иным, как идеализированным царством буржуазии»¹⁵¹. Дюлорана не привлекают ни блага буржуазного строя, ни его философия. Ни одна из иллюзий, необходимых для победы буржуазии, не затуманивает беспощадно ясного сознания Дюлорана.

Персонажи философского романа Дюлорана не только философствуют, но и действуют. Непримиимость мысли перерастает в проповедь кулачной расправы с аристократией. Это видно из рассказа одного из героев о встрече на дороге с маркизом: «Он выскакивает из кареты, обнажает шпагу и приближается, чтобы меня ударить. Я готовлюсь

¹⁴⁶ [H.-J. Dulaurens]. *Compère Mathieu*, t. 1, p. 222.

¹⁴⁷ Ж.-П. Марат. Избранные произведения, т. I, стр. 104.

¹⁴⁸ Дюлорану принадлежит один из злейших памфлетов XVIII в. о власти золота — роман «Чудесная и сверхъестественная история моего кузена — история человека из золота, капляющего, плюющего и т. д. золотом, которая показывает, как дамы и знать, буржуа и церковники преклоняются перед этим золотым чурбаном». (*Histoire merveilleuse et surnaturelle de mon cousin Homvu*. В кн. *Abus dans les cérémonies et dans les mœurs, développés par Monsieur L****. A Genève [Amsterdam], 1767).

¹⁴⁹ [H.-J. Dulaurens]. *Compère Mathieu*, t. 2, p. 238.

¹⁵⁰ О Дешане см. В. П. Волгин. «Истинная система» Дешана. «Вопросы истории», 1957, № 12, стр. 99—108.

¹⁵¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 17.

защищаться. Он клянется честью дворянина, что велит меня повесить. При этих словах я ему наново удар моей дубинкой по затылку и отправляю его нагонять героев девятого века»¹⁵².

Нет ничего удивительного поэтому, что «Кум Матье» вызвал яростные споры современников. Вольтер в своей переписке похвалил роман, но назвал отвратительным его конец, где описывается ренегатство философствующего кума, его примирение с церковью. В своем экземпляре он оставил закладки и на фронтисписе оставил надпись, содержащую своеобразную авторизацию «Кума Матье»: *ce livre est dun nommé laurent, moine defroqué cest en plusieurs endroits et meme par le fonds une imitation de candide lauteur a beaucoup desprit et derudition mais tres peu de gout nul ordre nulle finesse il aurait été un excellent auteur s'il avait été guidé*¹⁵³ (орфография подлинника. — Л. Г.).

Не менее высоко оценил этот роман Дидро. В заключительных строках «Жака-фаталиста» мы читаем: «...беседы Жака-фаталиста и его хозяина представляют собой самое значительное произведение, появившееся после Пантагрюэля мэтра Франсуа Рабле и жизни и приключений кума Матье»¹⁵⁴. Таким образом, видно, что Дидро считает себя прямым продолжателем Рабле и Дюлорана, свидетельство, которым мы не имеем права пренебрегать.

Зато совсем в ином тоне отозвался о романе Дюлорана Гримм, который писал: «Автор этого прекрасного романа заслуживает диплома почетного пенсионера королевского дома в Бисетре. Его зовут г-ном аббатом Дюлоран: он бывший монах, удалившийся в Голландию, автор героической поэмы «Помело» и других прекрасных произведений»¹⁵⁵.

Даже в самый разгар полемики энциклопедистов против их реакционных критиков Гримм никогда не призывал к помощи полиции, здесь же он призывает к репрессиям: сделать Дюлорана «пенсионером» тюрьмы в Бисетре. Иначе говоря, плебейская критика слева вызвала у Гримма такую неприкрытую ярость, какую он никогда не выражал к врагам «справа».

После «Кума Матье» литературная деятельность Дюлорана обрывается внезапным и насильственным образом: отправленный своим издателем по делам фирмы в поездку по южногерманским городам, он был схвачен на территории Майнца, находившейся в ведении епископской юрисдикции. Церковь ничего не простила ему: 30 декабря 1767 г. он был осужден епископским судом на пожизненное покаяние в одиночной келье¹⁵⁶. Заключенный в монастырь-тюрьму Мариенбаум, он скончался там в 1787 г.¹⁵⁷, пробыв в заключении последние двадцать

¹⁵² [H.-J. Dulaurens] *Compère Mathieu*, t. 1, p. 147.

¹⁵³ Книга сочинена неким Лораном, монахом-расстригой. Это во многих местах и даже по существу подражание «Кандиду». У автора много остроумия и эрудиции, но очень мало вкуса, никакого порядка, никакой тонкости. Он был бы великодушным автором, если бы его направляли.

¹⁵⁴ D. Diderot. *Œuvres complètes...* Publiées par J. Assézat et M. Tournoux vol. VI, Paris, 1875, p. 283.

¹⁵⁵ M. Grimm *Op. cit.*, t. VI, p. 483.

¹⁵⁶ По дошедшим до нас сведениям, К. Шнелле, ученик проф. Вернера Краусса в Лейпциге ныне готовит к публикации обнаруженные им в архивах материалы процесса Дюлорана. Когда эти материалы будут опубликованы, они многое еще прояснят нам в судьбе писателя.

¹⁵⁷ Французские авторы и справочники единогласно указывают на то, что Дюлоран умер в 1797 г.; но тогда не понятно, почему он оставался в заключении после освобождения Майнца революционной армией. Лишь у Ларусса мы находим сведения о 20 годах жизни в монастыре (при той же дате смерти!). Исходя из этого мы считаем более правильной датой смерти 1787 год.

лет своей жизни. Мы не знаем, каковы были условия его содержания там, но из того факта, что из тюрьмы до нас не дошло ни одной строчки, написанной им, можно понять, как строго он был изолирован.

История оказалась не более ласковой к нему, чем современность. Придя к власти и поставив своим заветом и этической нормой законы чистоты, буржуазия поспешила отвернуться от «аморального» автора «Кума Матье».

* * *

Уместен вопрос: в какой мере мировоззрение Дюлорана характерно для плебейской мысли его времени и чьим предшественником был Дюлоран, кто унаследовал его мировоззрение в эпоху французской революции.

Известно, что жирондисты вдохновлялись творчеством Вольтера и что якобинцы считали Руссо своим идейным предшественником. Среди различных классовых группировок, выдвинутых французской революцией, была и такая, которая объявила своим идейным духовным вождем Дюлорана и выпускала в конце 1790 г. газету «Кум Матье — периодическое философское и политическое издание, в котором все интересные события в Европе освещаются в соответствии с известной философией кума»¹⁵⁸. Естественно наше обращение к этой газете, анализ которой и должен помочь нам ответить на поставленные выше вопросы.

Как это известно из библиографии французской периодики Атэна¹⁵⁹, всего вышло восемь номеров «Кума Матье». Однако даже в Национальной библиотеке в Париже она имеется не полностью — лишь со второго по восьмой номер. И если № 1 и 2 вышли, как видно в сообщении от издателя, один за другим 3 и 4 ноября 1790 г., то уже в № 3 читатели были извещены: «Эта газета, которая до сих пор выходила ежедневно, теперь будет выходить еженедельно, каждый четверг утром». Из этого можно сделать вывод, что группа, выпускавшая газету, была не очень зажиточной. Это же подтверждается (насколько можно судить по микрофильму) и качеством бумаги, на которой печаталась газета.

На № 2 имеется нанесенная карандашом пометка 4 9^{br} 1790, т. е. 4 ноября 1790 г.; следующие номера нормально датированы типографским шрифтом от 11 ноября 1790 (№ 3) до 23 декабря 1790 г. (№ 8); таким образом, газета выходила неполных два месяца в период относительной стабилизации, до бегства короля, до классовых битв в августе 1792 г., когда, по словам участника событий, еще выступали «совместно множество людей, которые затем разошлись»¹⁶⁰.

В газете все время фигурируют действующие лица романа — сам кум Матье и его друзья; все события эпохи революции обсуждаются от их лица и даже по возможности в их манере. Но вполне естественно, что, несмотря на маски героев Дюлорана, сотрудники газеты выражали взгляды своих современников, разделяли их надежды и пристрастия, и, так же как они, участвовали в классовой борьбе своего времени.

¹⁵⁸ Le Compère Mathieu, ouvrage périodique, philosophique et politique; Où l'on rend compte de tous les événements intéressans de l'Europe, suivant la philosophie connue du Compère. A Paris, rue Jacob, No. 11, 1790. Шифр Национальной библиотеки в Париже Lc²—2439. Пользуюсь случаем выразить мою глубокую признательность профессору Франко Вентури, любезно оказавшему мне содействие в получении микрофильмов газеты.

¹⁵⁹ E. Hatin. Op. cit., p. 83.

¹⁶⁰ Ф. Буонаротти. Заговор во имя равенства, т. I. М — Л., 1948, стр. 63.

Поэтому мы порой обнаруживаем в газете разительную близость к высказываниям Марата или «бешеных», иногда же встречаем высказывания, поражающие историка своей наивностью и противоречивостью.

Мы лишены возможности с абсолютной точностью установить, кем именно, какой группой лиц, какой политической группировкой выпускалась эта газета — тем более, что ее редактор (чье имя промелькнуло в № 8) — издатель Тома (Thomas), в истории Французской революции ничем себя не проявил¹⁶¹.

Газета с восторгом пишет об Обществе друзей конституции. т. е. о якобинцах, однако она не идентифицирует себя с ним. Как можно судить из обращения газеты к читателям, из ее цены, она явно рассчитана на более демократические круги.

«Кум Матье» дешевле, чем другие газеты его времени: так, при равном объеме с газетой Демулена «Революции Франции и Брабанта» она стоит на 6 су меньше, — всего два ливра в месяц. Газета стремится привлечь к себе широкие массы читателей и сотрудников, помещая в каждом номере воззвание: «Кум Матье будет публиковать бесплатно любые направленные ему письма, просьбы и разоблачения, которые будут подписаны и доставка которых будет оплачена» (№ 3). Позже формулировка меняется: «Мы станем бесплатно публиковать любые разоблачения, лишь бы они не были слишком пространными и были подкреплены надежными доказательствами» (№ 4).

Газета с гордостью сообщает, что ее подписчиком и читателем является основатель «Социального кружка» аббат Клод Фоше. «Кум Матье» публикует его письмо: «Имею честь прислать вам подписную плату за ваш периодический труд, именуемый «Кумом Матье»: это очень патриотический журнал, публикуемый в очень приятной манере; он должен иметь большой успех... Остаюсь с чувством искреннего братства, ваш преданный согражданин К. Фоше».

Комментарии «Кума Матье» ясно показывают его отношение к автору письма: «Аббат Фоше достаточно известен. Его испытанный патриотизм непоколебим. Начиная со взятия Бастилии, где я его видел, и до тех пор, пока «Железные уста» не избрали его своим руководителем, он один сделал больше, чем мы все. С тех пор он не переставал проповедовать — с бастильской брешни, с амвона, с трибуны городской ратуши, с трибуны «Друзей истины», — евангелие свободы и патриотизма. Станем же его эхом, и пусть выскажется трибунал общественного мнения» (№ 6).

Таким образом, «Кум Матье» объявляет себя сторонником Клода Фоше, журнала «Железные уста» и созданной Фоше и Бонвилем федерации «Друзей истины» — иначе говоря, газета в какой-то мере идейно близка к позиции «Социального кружка»¹⁶², или, по крайней мере,

¹⁶¹ Нам известно лишь, что некий Жан Тома, кюре Мормана, депутат Учредительного собрания от г. Мелёна (Mélun), в 1793 г. был приговорен Комитетом общественного спасения к гильотинированию, как «непокорный и аморальный священник». Хотя эта характеристика вполне приложима к герою романа Дюлорана, отцу Жану, не известно, имеет ли она отношение к издателю «Кума Матье» (см. E. Boursin et A. Challand. Dictionnaire de la Révolution française Paris, 1893, p. 822).

¹⁶² О «Социальном кружке» см. В. С. Алексеев-Полов. История основания «Социального кружка». «Труды Одесского гос. ун-та им. И. И. Мечникова. Серия историч. наук», вып. 4 Одесса, 1954 г; его же. «Социальный кружок»

стремится к этой близости. Однако она не имеет определенной, четко выраженной идеологии. Перед нами не сложившееся, а только складывающееся мировоззрение людей, еще не изживших монархические иллюзии, но уже насильственно навязывающих Людовику XVI не свойственную ему роль «вождя революции» (как санкюлоты насильственно надевали ему трехцветную кокарду и с триумфом отвозили его из Версаля в Тюильри). В газете переплетается сочувствие городским безработным и полное непонимание нужд крестьян, призывы к гражданскому миру и угроза пражданской войной, ненависть к духовенству и ссылки на «евангелие свободы и патриотизма». Все это не может не привести нас к мысли, что «Кум Матье» является органом неорганизованной, только пытающейся осознать свои интересы городской плебейской массы. И тот факт, что недолго просуществовавший орган парижского плебса эпохи Французской революции провозглашает себя продолжателем «известной философии кума», равно как и его перекличка с мыслями, высказанными Гударом, Лабомелем или Куайе, утверждает нашу уверенность в наличии еще в середине XVIII столетия особого, отражающего плебейский радикализм, крыла во французском Просвещении. Перекличка Гудара, Лабомеля, Куайе, Дюлорана с Ленгэ, Маратом и «бешеными», и через журнал «Кум Матье» — с «Социальным кружком» показывает нам также, что их мысль не была сектантски замкнута, а стояла в ряду самых передовых течений своего времени, подготавливая революционное сознание 1789 г. и ту «идею нового мирового порядка», о которой нам говорит К. Маркс. «Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабёфа*, — движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Францию другом *Бабёфа* *Буонаротти*. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка»¹⁶³.

и его политические и социальные требования. Сб. «Из истории социально-политических идей (к 75-летию академика В. П. Волгина)». М., 1955; его же: «Социальный кружок» и республиканское движение 1791 г. Сб. «Из истории общественных движений и международных отношений». М., 1957.

¹⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 132.

Тематически связанные материалы

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией

А.Собуль. Философы и Французская революция

Д.Рош. От социальной истории к истории культур: эпоха Просвещения

Х.Момджян. Французское Просвещение XVIII века: очерки

Р.Дарнтон. Анатомия литературной республики в досье инспектора парижской полиции

Л.Вульф. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации

в сознании эпохи Просвещения

Человек эпохи Просвещения: сб. науч. трудов

Персоналии

МЕЛЬЕ Жан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>

МАБЛИ <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>

ДИДРО <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#DD>

д'АЛАМБЕР <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#alambert>

ВОЛЬТЕР <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

РУССО Жан Жак <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>